3 1761 07035365 1

Obshchestvo liubitelei drevnei pis'mennosti i iskusstva, Leningrad

Pamiati kniazia Pavla Petrovicha Viazemskago

DK
219
.6
V5
O2

VI 4

ПАМЯТИ

КНЯЗЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА

ВЯЗЕМСКАГО

Pamiati kniazia Pavla Petrovicha Viazemskago

St. Petersburg.

1888

ПАМЯТИ

КНЯЗЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА

ВЯЗЕМСКАГО

Почетнаго Предсѣдателя

Императорскаго Общества

Любителей Древней Письменности

ЗАСѢДАНІЕ 2 ДЕКАБРЯ 1888

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

DK
519
.6
V5
O2

979022

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ, В. О., 9 Л., 12

Засѣданіе Императорскаго Общества любителей древней письменности, состоявшееся 2 декабря 1888 года подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева, посвящено было памяти члена-учредителя Общества и почетнаго его предсѣдателя князя Павла Петровича Вяземскаго. Въ числѣ присутствовавшихъ находились высокопреосвященный Алексій архіепископъ литовскій и виленскій, вдова и дочь покойнаго, княгиня Марья Аркадьевна и княжна Александра Павловна Вяземскія, графъ А. Н. Ламздорфъ, директоръ Императорской Публичной библіотеки академикъ А. Ѳ. Бычковъ, директоръ Эрмитажа князь С. Н. Трубецкой, Н. Н. Селифонтовъ, Д. Ѳ. Кобеко, профессоръ Н. П. Кондаковъ, К. Е. Маковскій, и многіе другіе члены Общества. Засѣданіе открылось слѣдующимъ рефератомъ секретаря Общества:

«Не безъ смущенія приступаю къ исполненію лежащей на мнѣ задачи — очертить въ немногихъ словахъ заслуги недавно скончавшагося князя Павла Петровича Вяземскаго по отношенію къ Императорскому Обществу любителей древней письменности. Очеркъ этотъ долженъ представлять собою девятилѣтнюю исторію существованія и развитія Общества, потому что дѣятельность покойнаго князя, бывшаго въ теченіи этого времени его предсѣдателемъ, является тожественною съ ученою жизнью Общества, которому онъ отдалъ всю свою энергію и всѣ свои силы — и при рѣдкомъ богатствѣ ихъ успѣлъ въ короткое время сдѣлать то, что не удается многимъ и въ теченіи длиннаго ряда лѣтъ.

Въ нижеслѣдующихъ словахъ я постараюсь дать нѣсколько припоминаній, на основаніи сохранившихся въ дѣлахъ Общества документовъ, его изданій и отчасти своихъ личныхъ наблюденій, которыя относятся къ послѣднимъ годамъ жизни покойнаго князя. .

Еще задолго до основанія Общества, покойный обратилъ свое вниманіе на изученіе памятниковъ нашей древней письменности: плодомъ этого явились два труда: «Замѣчанія на слово о плъку Игоревѣ» и «Слово о плъку Игоревѣ. Изслѣдованіе о варіантахъ». Хотя оба они появились въ половинѣ семидесятыхъ годовъ, не задолго до учрежденія Общества, тѣмъ не менѣе генезисъ ихъ относится къ несравненно болѣе раннему времени, и первое предисловіе къ «Замѣчаніямъ» помѣчено 1851 годомъ; въ началѣ его мы читаемъ: «Посвятивъ досуги долголѣтняго пребыванія въ Константинополѣ изслѣдованіямъ о древнихъ сношеніяхъ Россіи съ Восточной Имперіей, и вообще Славянскихъ племенъ съ Греками, я пораженъ былъ степенью сродства между обоими народами, являющагося самымъ разительнымъ образомъ въ Словѣ о полку Игоревѣ». Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ отрывки изъ «Замѣчаній» были помѣщены во Временникѣ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Здѣсь не мѣсто входить въ подробную критическую оцѣнку ученыхъ пріемовъ изслѣдователя: хотя они въ свое время возбудили не мало оживленныхъ споровъ — въ чемъ лежитъ ихъ незаурядное достоинство — однако теперь наиболѣе безпристрастные и компетентные знатоки нашей древней письменности не колеблясь признаютъ за трудами покойнаго князя важное ученое значеніе и видятъ въ нихъ одну изъ прекрасныхъ попытокъ къ уясненію единственнаго въ своемъ родѣ памятника нашей древней литературы. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить лишь то, что въ обоихъ трудахъ авторъ обнаружилъ рѣдкую начитанность въ памятникахъ нашей древней письменности, начитанность, которая является результатомъ долгихъ и упорныхъ занятій древнею рукописною литературой. По поводу этихъ послѣднихъ позволю себѣ сказать

нѣсколько словъ, на основаніи хранящихся въ Обществѣ документовъ: первымъ изъ нихъ является колоссальный, составленный на карточкахъ, и заключающій въ себѣ болѣе 10.000 нумеровъ, алфавитный указатель именъ и предметовъ, относящихся къ древне-русской письменности и сопровождаемый подробными библіографическими указаніями, извлеченными частію изъ печатныхъ, частію изъ рукописныхъ источниковъ. Такъ, напр., подъ именемъ какого либо святаго находимъ перечисленіе всѣхъ извѣстныхъ списковъ его житія, подъ названіемъ тріодь—перечисленіе извѣстныхъ рукописей этой богослужебной книги, подъ именемъ какого либо историческаго лица — указаніе лѣтописныхъ мѣстъ, гдѣ оно встрѣчается. Число книгъ, эксцерпированныхъ для этого указателя — огромно, и большинство вошедшихъ въ него карточекъ — писано рукою князя. Если бы этому указателю придать окончательную отдѣлку, то онъ оказался бы драгоцѣннѣйшимъ пособіемъ для всякаго, занимающагося родною древностью. — Другимъ нагляднымъ доказательствомъ неустанныхъ работъ покойнаго въ области нашей древней письменности служатъ его рукописи: въ богатомъ ихъ собраніи, перешедшемъ въ собственность Общества — о чемъ рѣчь будетъ ниже — нѣтъ буквально ни одной рукописи, которая не носила бы помѣтокъ ея покойнаго владѣльца: эти помѣтки, дѣлавшіяся на отдѣльныхъ листкахъ, которые затѣмъ приклеивались ко внутренней сторонѣ переплета, содержатъ въ себѣ оглавленіе рукописи, библіографическія указанія, транскрипціи съ наиболѣе любопытныхъ и важныхъ записей и приписокъ, указанія на источники статей, и т. д. — однимъ словомъ — свидѣтельствуютъ о томъ, что рукопись не только просмотрѣна, но и проштудирована ея владѣльцемъ. — Нѣчто подобное видимъ мы и на книгахъ, принадлежавшихъ покойному князю: многія изъ нихъ испещрены его замѣчаніями; подобно Якову Гримму, къ нѣкоторымъ онъ дѣлалъ указатели предметовъ, наиболѣе его интересовавшихъ. — Изъ сказаннаго видно, что рядомъ долгихъ лѣтъ и путемъ упорныхъ занятій памятниками древней письменности покойный князь дошелъ до рѣдкаго знакомства съ нею, и въ немъ зародилась

мысль объ основаніи Общества любителей древней письменности. Не сразу однако она осуществилась: долгое время князь какъ бы не довѣрялъ своимъ организаторскимъ способностямъ и какъ бы колебался, опасаясь на первыхъ шагахъ неудачи своего предпріятія. Только по зрѣломъ обсужденіи совмѣстно съ другими любителями отечественной древности, онъ рѣшился составить проектъ устава Общества, неоднократно передѣлывавшійся и переписывавшійся его рукою. Позволю себѣ привести выписку изъ собственноручной, хранящейся въ Архивѣ Общества, записки князя, разъясняющей цѣль и стремленія Общества и прочтенной въ одномъ изъ первыхъ организаторскихъ засѣданій; впослѣдствіи она была значительно передѣлана и отпечатана въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ:

«Нѣсколько любителей древней отечественной литературы — такъ начинается записка — имѣютъ въ виду составить Общество для изданія доселѣ непапечатанныхъ рукописей, писанныхъ на церковно-славянскомъ языкѣ, со всѣми его оттѣнками племенными и временными, по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія. Кромѣ рукописей неизданныхъ имѣется въ виду издавать и рукописи неисправно напечатанныя, равно и такія, коихъ прежнія изданія составляютъ библіографическую рѣдкость. Также имѣется въ виду перепечатывать рѣдкія церковно-славянскія книги, и преимущественно тѣ изъ нихъ, кои сохранились въ одномъ или маломъ числѣ экземпляровъ и въ добавокъ находятся въ частныхъ рукахъ.

Предполагаемая задача Общества состоитъ въ изданіи:

а) Древнихъ пастырскихъ поученій, нравоучительныхъ сочиненій и наставленій, грамматическихъ сборниковъ и руководствъ, философическихъ трактатовъ, календарныхъ исчисленій и руководствъ, и вообще сочиненій научнаго и поучительнаго содержанія, хотя бы сочиненія эти практическаго примѣненія и не имѣли, какъ напримѣръ книги медицинскія или трактующія объ естественной исторіи. Эти средневѣковые трактаты на всѣхъ языкахъ имѣютъ всемірный интересъ и уже давно вездѣ обнародованы, кромѣ Россіи.

b) Космографіи, описанія отдѣльныхъ странъ, городовъ и народовъ; хожденія къ Святымъ мѣстамъ, путешествія, бытоописательныя статьи. Поверстное описаніе Россіи кажется до сихъ поръ ждетъ изданія.

c) Повѣсти и сказанія русскаго и иностраннаго происхожденія (въ древнихъ русскихъ переводахъ), жизнеописанія, разсказы объ историческихъ и миѳическихъ лицахъ, повѣствованія изъ области религіозныхъ воззрѣній, которыми жило человѣчество въ средніе вѣка — все это подлежитъ издательской дѣятельности Общества....

Изданіе хронографовъ греческихъ и польскихъ въ древнихъ переводахъ, и хронографовъ позднѣйшихъ русскихъ редакцій, должно быть на первомъ планѣ, какъ характеризующее двѣ эпохи: XI и XVI столѣтія. Исторія Польши и Россіи Стрыйковскаго есть одно изъ самыхъ замѣчательныхъ поэтическихъ изображеній жизни русскаго народа, къ коему Стрыйковскій относится съ пламенной любовью.

Изданіе роскошныхъ памятниковъ fac simile, каковы напр. Кёнигсбергская Лѣтопись съ живописными изображеніями изъ жизни удѣльной Россіи, Царственный Лѣтописецъ, Букварь Каріона Истомина съ живописными изображеніями московскаго періода, доставятъ, несомнѣнно, много драгоцѣнныхъ данныхъ для исторіи русскаго быта, возбудятъ охоту къ знакомству съ древними русскими памятниками....

Послѣдовательнымъ исполненіемъ предполагаемой программы Общество издателей отечественныхъ памятниковъ ознакомитъ русскую образованную публику и съ умственнымъ развитіемъ предковъ по всѣмъ отраслямъ знанія, и съ ихъ духовными, нравственными и политическими стремленіями въ теченіи столѣтій. Это значительно можетъ содѣйствовать ослабленію возможности волновать умы измышляемыми теоріями относительно вовсе не изучаемыхъ интересовъ и стремленій русскаго народа. — Исторія умственнаго и гражданскаго развитія русскаго народа имѣетъ всемірный интересъ. Европа ожидаетъ отъ изданія и разработки нашихъ собственныхъ памятниковъ, нашихъ древнихъ перево-

довъ весьма часто необходимыхъ для пополненія утраченныхъ или испорченныхъ греческихъ текстовъ. Такъ, напримѣръ, двѣ весьма важныя главы «о разумѣ» и «о мысли» Діалектики Іоанна Дамаскина, сохранившіяся въ нашихъ древнихъ переводахъ, не находятся въ греческихъ и латинскихъ текстахъ Отца Церкви, возстановившаго изученіе философіи Аристотеля. У насъ школьное образованіе со времени первыхъ нашихъ учителей основано было на философіи Іоанна Дамаскина, которая преподавалась въ Москвѣ въ концѣ XVII столѣтія.

Изданіе нашихъ древнихъ памятниковъ убѣдитъ весь образованный міръ, что Россія издревле стремилась къ умственному развитію и не чуждалась всѣхъ высшихъ вопросовъ, занимавшихъ умы въ Европѣ, въ минувшіе вѣка.

Россія, по центральному своему положенію между Европой и Азіей, обладаетъ ключемъ къ разъясненію многихъ загадочныхъ вопросовъ въ исторіи человѣчества.

Переводы, дошедшіе до насъ въ испорченномъ видѣ, исправляются и выясняются сличеніемъ съ греческимъ текстомъ, а равно испорченные, утраченные и нерѣдко намѣренно искаженные въ Парижѣ и Венеціи, греческіе тексты возстановляются и пополняются на основаніи нашихъ переводовъ. Исторія интерпретаціи древнихъ памятниковъ явно убѣждаетъ, что безъ знанія древнихъ языковъ пониманіе древнихъ русскихъ памятниковъ невозможно. Не слишкомъ преувеличено видѣть въ предполагаемой дѣятельности Общества любителей тотъ алмазный порошокъ, который необходимъ для шлифованія алмаза.

Задача Общества можетъ несомнѣнно казаться роскошной, но дѣло въ томъ, что роскошь въ наукѣ — плодотворна; покровительство роскоши въ наукѣ необходимо не только въ Россіи, но и во Франціи, гдѣ существуетъ учрежденіе «pour la protection des hautes études», и въ Англіи существуютъ Королевскія Общества, значительно поощряющія переводы съ восточныхъ языковъ и изданіе древнихъ англо-саксонскихъ и валійскихъ текстовъ».

Я позволилъ себѣ привести выписку изъ этого любопытнаго

документа, въ виду его важности для характеристики покойнаго князя и его взгляда на цѣль и задачи Общества; въ запискѣ этой сказалась какъ бы profession de foi автора, отъ которой онъ не отступалъ въ теченіи всего времени своего предсѣдательства въ Обществѣ, и благодаря которой это послѣднее въ короткое время завоевало себѣ видное положеніе на ряду своихъ ученыхъ собратій. Нѣтъ нужды скрывать, что на первыхъ порахъ Общество было встрѣчено со стороны немалаго числа лицъ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ: тѣмъ бо́льшую настойчивость и энергію употребилъ его покойный основатель для того, чтобы побѣдить это недовѣріе, чтобы показать, что Общество не есть затѣя небольшаго кружка оригиналовъ-любителей, но идетъ на встрѣчу потребностямъ современнаго изученія древностей нашего Отечества, когда, при растущемъ числѣ ихъ любителей, все сильнѣе и сильнѣе начинаетъ ощущаться потребность въ распространеніи ихъ про́тивней въ бо́льшемъ кругѣ лицъ.

При участіи небольшаго кружка любителей древней письменности былъ выработанъ уставъ Общества, причемъ главная доля работы въ его составленіи принадлежала опять-таки покойному князю. 18-го мая 1877 года уставъ уже былъ утвержденъ и дѣятельность Общества открылась оффиціально. Были образованы редакціонные отдѣлы, стоявшіе каждый подъ ближайшимъ завѣдываніемъ отдѣльнаго редактора, снабженнаго особою инструкціей, которая была выработана княземъ и утверждена Обществомъ. Въ ней весьма обстоятельно и подробно были исчислены всѣ внѣшнія правила и пріемы изданія, приведены указанія для надлежащаго и скорѣйшаго веденія отчетности, и данныя для контроля за точностью и цѣлесообразностью передачи издаваемаго текста.

Работа закипѣла: со всею страстностью своей натуры принялся покойный князь, избранный, какъ и естественно было ожидать, въ предсѣдатели Общества, за работы по Обществу, и хотя предпринятыя этимъ послѣднимъ изданія были распредѣлены между нѣсколькими редакторами, однако ни одно не появилось въ свѣтъ безъ ближайшаго руководства и указаній предсѣ-

дателя Общества, доказательствомъ чему служатъ многочисленныя письма къ нему редакторовъ, обращавшихся со справками, недоумѣніями и вопросами. Нѣкоторыя же изданія всецѣло редактировались самимъ княземъ, оффиціально взявшимъ на себя редактированіе рукописей, содержащихъ произведенія словесности, не исключая и народной, какъ-то: повѣстей, легендъ, сборниковъ, пѣсенъ и басенъ, драматическихъ произведеній, и проч. Изъ изданій этихъ, помимо нѣкоторыхъ мелкихъ, въ родѣ: Краткаго описанія двадесяти монастырей, обрѣтающихся на святой горѣ Аѳонской, и др., особаго вниманія заслуживаютъ: a) «Изображеніе чудотворныхъ иконъ Божіей Матери», представляющее воспроизведеніе десяти старинныхъ русскихъ гравюръ съ сопровождающими ихъ старинными же русскими текстами; изданіе это представляетъ весьма важный матеріалъ для изученія нашей древней иконописи и живописи, а равно и ихъ отношенія къ западно-европейской; b) «Римскія дѣянія» — по переводу на бѣлорусское нарѣчіе. Помимо своего содержанія, представляющаго частію переводъ, частію передѣлку сборника разсказовъ, извѣстнаго подъ названіемъ Gesta Romanorum, содержанія, характеризующаго поворотъ въ умственномъ движеніи русскаго народа, въ эпоху, предшествовавшую реформамъ петровскаго времени, изданный памятникъ важенъ и по отношенію къ письменному языку, имѣвшему весьма непродолжительное существованіе. Работа князя, по изданію Дѣяній, не ограничилась перепечаткою текста: онъ присоединилъ къ нему обширное введеніе, въ которомъ развилъ историко-литературное значеніе Gesta и судьбу ихъ въ нашей старинной письменности, и приложилъ обстоятельное оглавленіе, въ которомъ сопоставилъ изданный имъ текстъ съ тремя другими редакціями; c) три статьи изъ пергаменнаго сборника XV вѣка, принадлежащаго библіотекѣ Св. Синода въ С.-Петербургѣ, d) Синодикъ Дѣдовской пустыни, Тотемскаго уѣзда; e) одиннадцать статей изъ сборника XVIII в., въ которомъ, между прочимъ, заключаются лицевые псалмы «На рѣкахъ Вавилонскихъ»; f) Засѣданіе въ книжной палатѣ 16-го февраля 1627 года. По поводу исправленія катихизиса Лаврен-

тія Зизанія; g) Философія Христофоровича; h) Риторическая рука Стефана Яворскаго; i) Житіе Матвѣя Прозорливаго; k) Житіе Димитрія Царевича; l) Житіе Василія и Ѳеодора; m) Житіе Нифонта; n) Житіе Ѳеодора Едесскаго, и мн. др.

Для характеристики той энергіи, которую проявилъ покойный князь въ изданіи памятниковъ, слѣдуетъ замѣтить, что почти цѣлый ихъ десятокъ былъ выпущенъ въ свѣтъ почти въ два года. Но рядомъ съ работами по изданію шли и другія занятія по Обществу: уже очень скоро была сознана потребность, сверхъ роскошныхъ и, сравнительно, мало доступныхъ воспроизведеній древнихъ рукописей, основать при Обществѣ особый органъ, который могъ бы расчитывать на возможно бо́льшее распространеніе въ средѣ публики свѣдѣній о древней русской письменности; отсюда повели свое начало «Памятники древней письменности и искусства», поставившіе задачею въ отдѣльныхъ монографіяхъ знакомить читателей съ наиболѣе любопытными памятниками, черезъ ихъ описаніе и изданіе, представлять описаніе общественныхъ и частныхъ книгохранилищъ, давать изслѣдованія о различныхъ памятникахъ, и т. д. И въ эти «Памятники» покойный князь далъ не мало вкладовъ. Упомянемъ изъ нихъ: замѣтку объ «Архивѣ славянской филологіи» Ягича, любопытную по тому, что въ ней довольно опредѣленно поставленъ вопросъ объ изданіи славянскаго перевода «Хроники» Георгія Амартола, изданіи, которому суждено было увидѣть свѣтъ въ 1881 году. Большой историко-литературный интересъ представляетъ другое сообщеніе князя: «О литературной исторіи Физіолога», который по своему отношенію къ священному писанію, къ иконописи и къ древней символикѣ, постоянно, въ теченіи многихъ столѣтій возбуждалъ живой интересъ какъ на востокѣ и западѣ, такъ и у насъ, въ Россіи. Не меньшій интересъ представляетъ докладъ князя «О значеніи русскихъ лицевыхъ рукописей», въ которомъ онъ обратилъ вниманіе на многочисленные лицевые тексты, безпрестанно повторявшіеся въ теченіи столѣтій и донынѣ распространенные въ народной средѣ. По мнѣнію автора, наши рукописи съ лицевыми изображеніями и орнаментами

обличаютъ въ русскихъ знаменщикахъ умѣнье и вѣрность взгляда. При томъ способѣ воспроизведенія лицевыхъ изображеній, который употреблялся ими, подражанія не было уже потому, что художники наши зачастую не видѣли самыхъ рисунковъ, а пользовались тѣми же самыми или подобными патронами, которыми руководствовались византійскіе и даже древне-римскіе художники. — И въ этомъ докладѣ князь намѣтилъ изданія, которымъ впослѣдствіи суждено было увидѣть свѣтъ; это: лицевое Хожденіе Іоанна Богослова, Житіе Іоасафа Царевича и лицевая Александрія. — Въ докладѣ своемъ «О древней музыкѣ» князь указалъ на необходимость приступить къ изданію нашихъ церковныхъ напѣвовъ по древнимъ крюковымъ нотамъ. — Въ докладѣ: «О сборномъ каталогѣ рукописныхъ житій русскихъ святыхъ» онъ указалъ на важность подобнаго свода и оцѣнилъ значеніе огромнаго предпріятія, взятаго на себя Н. П. Барсуковымъ, и изданнаго Обществомъ подъ заглавіемъ: «Источники русской агіографіи». — Весьма важная и обширная монографія о «Бесѣдѣ трехъ святителей», предпосланная изданію текста этого памятника, разсматриваетъ цѣлый рядъ произведеній древней письменности, представляющихъ собою риторскія упражненія для пользованія полуграмотныхъ простолюдиновъ, можетъ быть даже и для низшихъ церковныхъ служителей, желавшихъ усвоить себѣ тѣ недоступные вопросы, которые преподавались въ богословскихъ и риторскихъ школахъ. — Въ связи съ этимъ изслѣдованіемъ стоитъ записка князя о Преніи Панагіота съ Азимитомъ, предпосланная славянскому переводу этого памятника. Въ ней подробно указывается на эстетическое, иконографическое и культурное значеніе этого произведенія, отражающаго эпоху, въ которую онъ составленъ — XIII столѣтіе, въ которое съ особою оживленностью происходили пренія между греками и латинами. — Славянскіе переводы обоихъ, только что упомянутыхъ памятниковъ, заимствованы княземъ изъ пріобрѣтеннаго имъ богатаго собранія факсимиле и матеріаловъ по книгопечатному дѣлу, оставшихся послѣ извѣстнаго собирателя и продавца рукописей и старопечатныхъ книгъ Т. Ѳ. Большакова. Описанію

этого собранія князь посвятилъ также весьма любопытную замѣтку.

Я упомянулъ далеко не обо всѣхъ докладахъ покойнаго князя, дѣлавшихся въ засѣданіяхъ Общества и помѣщенныхъ въ его Памятникахъ, но и изъ упомянутаго видно, что онъ съ рѣдкою энергіей приступилъ къ осуществленію взятыхъ на себя Обществомъ задачъ и много содѣйствовалъ оживленію его издательской и ученой дѣятельности. Интенсивность этой энергіи обнаружится еще рѣзче, если припомнимъ, что большинство исчисленныхъ трудовъ относится къ первымъ годамъ существованія Общества. — Помимо своего количества, доклады князя поражаютъ и разнообразіемъ своего содержанія: разнообразіе это свидѣтельствуетъ о широкомъ его кругозорѣ и обширной начитанности, какъ въ рукописныхъ источникахъ, такъ и въ ученой литературѣ. Впрочемъ, это не должно удивлять того, кто знакомъ съ его комментаріемъ къ Слову о полку Игоревѣ.

Посвящая ученой дѣятельности Общества всѣ свои досуги, покойный князь находилъ время и умѣлъ привлекать къ его дѣятельности и интересамъ и другія ученыя силы, свидѣтельствомъ чему служитъ то, что многія изданія Общества, приготовленныя другими учеными, обязаны ему своею иниціативой. При кажущейся суровости и малодоступности, онъ обладалъ даромъ побуждать другихъ и направлять ихъ дѣятельность къ предварительно имъ намѣченной и даже обдуманной цѣли.

Въ неразрывной связи съ дѣятельностію покойнаго князя по изданіямъ Общества, стоятъ его заботы объ устройствѣ при немъ склада произведеній древней письменности и искусства, и библіотеки. Уже при самомъ началѣ Общества было высказываемо имъ желаніе и сознана необходимость имѣть подъ рукою необходимыя справочныя книги: часть ихъ, очень незначительная, была пріобрѣтена покупкою на средства Общества, бо́льше было собрано въ обмѣнъ съ разными какъ русскими, такъ и заграничными учеными учрежденіями на изданія Общества, но наиболѣе значительная часть поступила въ видѣ пожертвованій, изъ которыхъ пожертвованія покойнаго занимаютъ одно изъ вид-

ныхъ мѣстъ. Подъ его непосредственнымъ надзоромъ и по его указаніямъ былъ заведенъ карточный каталогъ, дающій возможность тотчасъ найтись въ значительномъ по объему и разнообразномъ по содержанію книгохранилищѣ.

Но въ особенности много обязанъ ему Музей Общества, служившій до послѣдняго времени, когда болѣзнь окончательно сломила его крѣпкую натуру, его любимымъ созданіемъ. Князь былъ коллекціонеръ по характеру, и притомъ не узкій спеціалистъ, но интересовавшійся собираніемъ самыхъ разнообразныхъ предметовъ, объединявшихся однако въ общемъ понятіи памятниковъ древней письменности и искусства. Ту же широту внесъ онъ и въ Музей Общества, главное зерно котораго составили его собственныя собранія. Онъ отвелъ мѣсто въ Музеѣ не только древнимъ рукописямъ и писаннымъ памятникамъ родной старины, но и вещественнымъ остаткамъ, вродѣ одеждъ, украшеній, кружевъ, рѣзьбы, памятниковъ литейнаго дѣла, и т. д., и притомъ не только русскихъ, но и иностранныхъ. Съ перваго раза это могло бы показаться излишествомъ, но оно объясняется тѣмъ не разъ высказывавшимся и въ печати убѣжденіемъ князя, по которому памятники отечественной древности стоятъ въ непосредственной связи съ однородными памятниками другихъ цивилизацій.

Благодаря этому взгляду, Музей Общества заключаетъ собраніе многоразличныхъ предметовъ, представляющихъ во-очію различныя стороны жизни нашихъ предковъ. Конечно, первое мѣсто въ немъ по количеству занимаютъ рукописи, которыя князь уже давно началъ собирать для себя и въ которыхъ былъ большимъ знатокомъ. Составленная имъ коллекція, благодаря просвѣщенному сочувствію цѣлямъ Общества графа С. Д. Шереметева, вошла цѣликомъ въ Музей Общества, и въ ряду частныхъ собраній занимаетъ далеко не невидное мѣсто. Не мало въ ней лицевыхъ рукописей, изъ коихъ многія (напр. Хожденіе Іоанна Богослова, Житіе Ѳеодора Едесскаго, житіе Евфросиніи Суздальской, Житіе Нифонта, и др.) представляютъ экземпляры въ высшей степени замѣчательные, а нѣкоторые — и един-

ственные въ своемъ родѣ. Число нелицевыхъ рукописей простирается до нѣсколькихъ сотенъ и также содержитъ въ себѣ не мало памятниковъ рѣдкихъ и любопытныхъ. Вообще, про рукописную коллекцію князя можно сказать, что она составлена съ большимъ вкусомъ, обличающимъ знатока и любителя. — Не мало усилій положилъ онъ на обогащеніе Музея и изъ другихъ источниковъ: такъ, онъ очень усердно хлопоталъ — и хлопоты его увѣнчались успѣхомъ — о предоставленіи на храненіе въ Обществѣ собранія древнихъ живописныхъ иконъ изъ склада Св. Синода; пріобрѣталъ многія вещи обмѣномъ, покупкою, пожертвованіями. Каждому новому обогащенію Музея онъ радовался, опредѣлялъ его значеніе, отводилъ ему мѣсто. Въ одномъ изъ его некрологовъ, писанномъ лицомъ, близко знавшимъ покойнаго князя, читаемъ слѣдующія строки, характеризующія заботы его о Музеѣ: «Шестидесятилѣтній старецъ, онъ нерѣдко собственноручно развѣшивалъ по стѣнамъ и аркамъ Музея древнія иконы, кресты и другіе предметы, изумляя всѣхъ необыкновенною находчивостью и изящнымъ вкусомъ. Посѣтитель Музея могъ часто застать маститаго предсѣдателя Общества стоящимъ на лѣстницѣ или табуретѣ и прикрѣпляющимъ къ стѣнѣ какую либо старинную картину, икону или древнее украшеніе»....

Будучи самъ человѣкъ науки, покойный цѣнилъ людей науки и помогалъ ихъ занятіямъ, широко предоставляя возможность пользоваться собраніями Общества. Многіе изъ ученыхъ пользовались ими, и засвидѣтельствовали это въ изданныхъ ими впослѣдствіи работахъ.

Представленный выше очеркъ дѣятельности князя по Обществу былъ бы односторонепъ, если бы я умолчалъ о томъ, что этой дѣятельности значительно помогли счастливо сложившіяся обстоятельства, что при первыхъ шагахъ Общества въ него вошли лица, благодаря просвѣщенной поддержкѣ которыхъ оно могло въ столь короткое время, какъ десятилѣтній промежутокъ, такъ широко развернуть свою дѣятельность и такъ обогатить свои собранія. Только благодаря ихъ поддержкѣ, матеріальной и общественной, Общество получило даровое прекрасное помѣще-

ніе, могло осуществить такія изданія, какъ Памятники древней письменности и искусства, Житіе Алексѣя митрополита, Челобитную Всполохова, Житіе Николая Чудотворца, и друг. Только благодаря имъ Музей обладаетъ такимъ сокровищемъ, какъ Псалтирь 1397 года.

Возвращаюсь къ дѣятельности покойнаго князя. Предавшись Обществу всѣми силами своей мощной натуры, онъ имѣлъ въ виду завоевать ему положеніе не только въ средѣ ученыхъ корпорацій—его изданіями—но и въ ряду общественныхъ учрежденій. И въ этомъ отношеніи его желанія исполнились: въ 1882 году на всероссійской художественно-промышленной выставкѣ въ Москвѣ Общество удостоено было за свои изданія высшей награды — диплома на золотую медаль, въ томъ же году получило государственный гербъ, и ему присвоено наименованіе Императорскаго.

Въ 1883 году всѣ наличные члены Общества единогласно просили князя принять на себя званіе его почетнаго предсѣдателя. Передавая эту просьбу, почетный членъ Общества академикъ А. Ѳ. Бычковъ, выражая мнѣніе всѣхъ сочленовъ, сказалъ между прочимъ: «Въ теченіи семи лѣтъ со времени учрежденія Общества, вы, князь, были его душею и руководителемъ. Вашею неустанною дѣятельностью оно процвѣло и принесло, можно сказать безъ преувеличенія, такіе плоды, которые въ другихъ обществахъ достигаются десятками лѣтъ. За это, сравнительно краткое, пространство времени Общество успѣло издать очень много чрезвычайно важныхъ памятниковъ древней нашей письменности и тѣмъ оказало несомнѣнную услугу наукѣ и искусству».

Все, сказанное выше, относится къ первому періоду дѣятельности Общества: постигшая князя болѣзнь надломила его силы, и онъ былъ лишенъ возможности проявлять прежнюю свою энергію. На первыхъ порахъ это ослабленіе не было еще особенно замѣтно: онъ аккуратно посѣщалъ еженедѣльныя зимнія собранія комитета, внимательно слѣдилъ за чтеніями, вставлялъ свои замѣчанія, часто посѣщалъ Музей, и даже взялъ на себя наблюденіе

за однимъ изъ изданій Общества — Псалтирью 1397 года. Но болѣзнь шла своимъ ходомъ, и силы князя упадали. Онъ принужденъ былъ фактически отказаться отъ предсѣдательства, и только изрѣдка, въ видѣ гостя, появлялся въ засѣданіяхъ Общества. Въ послѣдній годъ жизни онъ не могъ дѣлать и этого. Но душа его тяготѣла къ Обществу, и уже въ предсмертную свою болѣзнь, прогуливаясь по саду въ креслахъ на колесахъ, онъ нерѣдко приказывалъ подвозить себя къ выходящимъ въ садъ окнамъ Музея....

Засимъ предсѣдатель предоставилъ слово члену-корреспонденту Общества Н. П. Барсукову.

Въ нынѣшнемъ собраніи, которое посвящено памяти незабвеннаго основателя Императорскаго Общества любителей древней письменности, такъ началъ докладчикъ — я позволю себѣ прочесть небольшой отрывокъ изъ моего труда о Погодинѣ[1], именно о проектѣ 1830 года извѣстной княгини Зинаиды Александровны Волконской и ея сотрудника Шевырева относительно учрежденія при московскомъ университетѣ Эстетическаго Музея.

Хотя проектъ этотъ остался, къ сожалѣнію, однимъ только pium desiderium, но животворная мысль, положенная въ основаніе его, совершенно согласовалась съ задушевнымъ желаніемъ князя Павла Петровича и постоянно воодушевляла его. Вотъ почему я избралъ предметъ этотъ для настоящаго чтенія.

. . . . . .

. . . Княгиня З. А. Волконская была патріотка въ самомъ возвышенномъ значеніи этого слова. Живя въ Римѣ, она привитала мыслію и чувствомъ въ Москвѣ. Доказательствомъ сего можетъ служить ея предположеніе объ учрежденіи Эстетическаго

---

[1]) Глава XXII изъ третьей книги Жизнь и труды М. П. Погодина, приготовляемой къ печати.

Музея при Императорскомъ московскомъ университетѣ.

Проектъ этого Музея, разработанный Шевыревымъ и одобренный знаменитымъ Торвальдсеномъ, княгиня Волконская доставила Погодину. «Мы, русскіе», читаемъ въ проектѣ — «съ удовольствіемъ замѣчаемъ, что изящныя искусства, благодаря попеченіямъ правительства, глубоко вкоренились у насъ и принесли плоды, дающіе намъ право и въ сей отрасли просвѣщенія войти въ достойное состязаніе съ другими народами. Художники русскіе со славою вознаграждаютъ пожертвованія и оправдываютъ ожиданія Монарха и Отечества. Но желательно бы было, чтобъ изящныя искусства не ограничивались однѣми мастерскими художниковъ, но вошли бы непосредственно въ кругъ общественнаго воспитанія и образовали бы въ народѣ чувство эстетическое. Сей цѣли невозможно достигнуть, не имѣя передъ очами лучшихъ произведеній рѣзца, кисти и циркуля.

Петербургъ богатъ сими способами: въ Эрмитажѣ, Академіи художествъ, во многихъ частныхъ галлереяхъ, между сокровищами оригинальными, изящные слѣпки и копіи могутъ дать понятіе объ искусствѣ всякому, желающему проникать въ его тайны. Москва, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частныхъ галлерей, отдаленныхъ отъ города, какъ-то: князя Юсупова въ Архангельскомъ и графа Шереметева въ Останкинѣ, не имѣетъ сихъ сокровищъ. Предметъ сего проекта — пособить недостатку, и, съ одобренія высшаго правительства, въ Москвѣ, подъ непосредственнымъ вѣдомствомъ Императорскаго московскаго университета, если онъ благоволитъ изречь на то свое согласіе — основать Эстетическій Музей или полное собраніе гипсовыхъ слѣпковъ, а по возможности и мраморныхъ копій съ лучшихъ и замѣчательнѣйшихъ произведеній ваянія древняго, средняго и новаго; копій съ отличныхъ картинъ разныхъ школъ классической живописи и, наконецъ, моделей со всѣхъ славнѣйшихъ памятниковъ архитектуры, древностью и средними вѣками потомству завѣщанныхъ. Къ сему со временемъ присоединятся и модели разныхъ утварей древней жизни, образцы коихъ съ такою роскошью представляются намъ

въ Музеѣ Неаполитанскомъ. Однимъ словомъ, оный Музей долженъ въ миніатюрѣ представить всѣ сокровища искусства и древности.

Нужно ли доказывать пользу такого заведенія? Вспомнимъ только, что каѳедра эстетики и древностей въ московскомъ университетѣ оживится, когда передъ очи слушателей сойдетъ великолѣпный Олимпъ, и всѣ зданія, утвари, все наслѣдіе древней жизни предстанетъ не въ неясныхъ словесныхъ описаніяхъ, а въ живыхъ моделяхъ; вкусъ изящнаго, который, при благотворномъ свѣтѣ наукъ, разливается быстро по нашему Отечеству, получитъ новую пищу; артисты московскаго театра здѣсь научатся граціи и величію положеній, а прочіе художники, къ оному принадлежащіе, здѣсь найдутъ вѣрныя модели для сцены. Но можно ли истощить когда нибудь пользу и удовольствіе, отъ такого заведенія произойти имѣющія?

По предположенію княгини Волконской, этотъ Эстетическій Музей долженъ былъ состоять изъ девяти отдѣленій: 1. Какъ преддверіе къ искусству греческому, составятъ памятники искусства египетскаго и этрусскаго. 2. Изобразитъ переходъ отъ искусства символическаго къ его совершенному и самостоятельному развитію и будетъ заключать въ себѣ несомнѣнныя сокровища рѣзца греческаго. 3. Представитъ цвѣтъ всего искусства древняго и будетъ содержать статуи всѣхъ боговъ, богинь, полубоговъ и героевъ миѳологіи древней. Оное отдѣленіе можетъ быть наименовано Олимпомъ. 4. Будетъ содержать группы и олицетворитъ тотъ періодъ искусства, когда оно, сошедъ съ величаваго спокойнаго Олимпа на землю, стало рѣзцомъ выражать на мраморѣ страсти человѣческія. 5. Составится изъ портретовъ и бюстовъ, оставленныхъ древностію, и олицетворитъ тотъ періодъ искусства, когда оно обратило всю силу опытнаго рѣзца на изображеніе личнаго человѣчества. Періодъ сей начатъ Лизиппомъ, творцомъ бюста Александра Македонскаго. 6. Должно изобразить намъ христіанское искусство, воскресшее подъ рѣзцомъ Микель Анжело. 7. Представитъ уклоненіе искусства отъ простоты греческаго и отъ пути, показаннаго Микель Анже-

ломъ, къ формамъ насильственнымъ, искривленнымъ, и олицетворитъ вѣкъ Бернини и его послѣдователей. 8. Представитъ намъ въ произведеніяхъ Кановы и Торвальдсена не только совершенное возвращеніе къ простотѣ искусства древняго, но и преображеніе онаго при вліяніи религіи христіанской. Въ особомъ 9-мъ отдѣленіи будутъ находиться модели Колизея, Пантеона, Форума Римскаго, Помпеи, Геркуланума, театра древняго, храма Пестумскаго, храма Агригентскаго въ Сициліи, гробницы Сципіоновъ, храма св. Петра, и проч.

Этотъ замѣчательный проектъ княгиня Волконская заключаетъ желаніемъ, чтобъ Императорскій московскій университетъ, «всегда ревностный къ пользѣ общей, не отстранилъ отъ себя новаго подвига во славу наукъ, ему по праву предлежащаго; чтобъ г. московскій генералъ-губернаторъ, князь Д. В. Голицынъ, всегда неутомимо усердный ко благу древней столицы, и г. попечитель сего университета, князь Сергій Михайловичъ Голицынъ, отъ коего Москва ожидаетъ новыхъ подвиговъ къ ея нравственному обновленію, обратили вниманіе на сей проектъ, и чтобы любовь къ искусству въ жителяхъ обѣихъ столицъ пробудила и поддержала твердое рвеніе къ исполненію онаго.

Само собою разумѣется, что Погодинъ, всегда мечтавшій и свою собственную обитель украсить портретами великихъ людей и копіями съ изящнѣйшихъ произведеній ваянія и живописи, чтобы всякимъ взглядомъ изощрялся вкусъ, возвышалась душа, и даже домъ свой на Мясницкой, купленный у князя Тюфякина, называлъ Парнасомъ — весьма восторженно отнесся къ этому проекту княгини Волконской и не замедлилъ писать Шевыреву: «Третьяго дня получилъ отъ тебя проектъ Эстетическаго Музея, и въ восторгѣ. Да здравствуетъ княгиня! Она алмазными буквами вписываетъ свое имя въ лѣтопись Москвы, или лучше всей Россіи. Ея подарокъ дороже, значительнѣе цѣлой области съ народонаселеніемъ. Нынѣшній разъ пишу къ тебѣ только объ этомъ, и вотъ мои мысли, утвержденныя благонамѣреннѣйшими нашими профессорами, которымъ я показывалъ планъ. Пять тысячъ,

сумма, столь незначительная, что поднимать Москву и Петербургъ на собраніе ея не нужно. Университетъ одинъ можетъ взнести вдругъ десять и больше; а послѣ, когда основаніе будетъ положено, можно будетъ обнародовать планъ и пригласить доброхотныхъ дателей чрезъ князя Волконскаго и князя Голицына, и чрезъ журналы. И потому планъ дѣйствія долженъ быть вотъ какой: княгиня да пришлетъ проектъ прямо въ совѣтъ Императорскаго московскаго университета. Ты потрудишься переписать въ другой разъ — точно въ томъ видѣ, какъ онъ у меня.

Предложеніе должно быть подписано княгинею З. А. Волконскою. Въ одно время съ предложеніемъ въ совѣтъ университета имѣютъ быть препровождены копіи точныя съ него при письмахъ отъ княгини въ Петербургъ къ Блудову, князю Ливену и другимъ значительнымъ людямъ, напримѣръ Уварову, Строганову; въ Москву — къ князю Сергію Михайловичу Голицыну (который будетъ, кажется, нашимъ верховнымъ попечителемъ) и Сергѣю Аполлоновичу Волкову, который будетъ, кажется, его помощникомъ. Это родъ циркуляровъ, и слѣдовательно княгиня, дѣйствуя во благо Отечества, можетъ разослать ихъ, не взирая на лица, хотя бы ей и незнакомыя и низшія. Въ бумагѣ въ совѣтъ на концѣ имѣетъ быть сказано для вѣсу, что копіи я-де ужь послала къ такимъ-то, а въ письмахъ къ нимъ: «вотъ и копія съ предложенія моего въ университетъ». Въ проектѣ особенно ударить должно вотъ на что: и можетъ быть долго не случится быть такому счастливому стеченію обстоятельствъ (я подразумѣваю: познанія, вкусъ, любовь къ искусствамъ, долгое пребываніе княгини въ Италіи и знакомство съ первыми людьми по сей части въ этой странѣ); слѣдовательно, грѣхъ предъ Отечествомъ и просвѣщеніемъ ими не воспользоваться, etc. Скорѣе какъ можно; я мечтаю ужь объ исполненіи. Университетъ (которому, безъ его вѣдома, не такъ давно купили минеральный ненужный кабинетъ за 25 тысячъ рублей) согласится тотчасъ, а въ Петербургѣ приготовленные люди подтвердятъ, и да здравствуютъ княгиня Зинаида Волконская и ея помощникъ! Но какъ она въ короткое время успѣетъ выбирать, заказывать, разсчи-

тываться во всѣхъ городахъ Италіи? Гдѣ она возьметъ времени? Если бы ей угодно было выписать меня (свѣтлая мысль!) къ себѣ на полгода, отъ сентября до февраля, для сношеній съ художниками подъ ея руководствомъ, освѣдомленій, ула́женія, отправленія, дабы въ Москвѣ помочь уставить, если не самому сдѣлать? И мало ли сколько причинъ можешь найти ты. А какъ бы это было славно! Я принялъ бы хоть страдательное участіе въ прекрасномъ дѣлѣ, проѣхался бы по Европѣ, поцѣловалъ бы тебя. А, каково это? И все это возможно! Если княгиня одобритъ мою мысль, то напишите въ проектѣ и слѣдующее: «а для сношеній съ художниками, и проч., и проч., я прошу выслать мнѣ чиновника изъ университета, и указываю на адъюнкта Погодина, наиболѣе мнѣ извѣстнаго и для того способнаго. На проѣздъ его (чиновника) и шестимѣсячное пребываніе нужно три тысячи рублей». Прочее я добавлю и отъ себя. Съ завтраго принимаюсь опять за итальянскій языкъ».

Къ проекту этому отнесся также чрезвычайно сочувственно Павелъ Александровичъ Мухановъ, что видно изъ слѣдующихъ его строкъ къ Шевыреву: «Съ восторгомъ читалъ ваше письмо изъ Рима. Проектъ Эстетическаго Музея въ Москвѣ — мысль счастливѣйшая, а всѣхъ счастливѣе вы, ибо находитесь на развалинахъ міра классическаго, и все изящное столь къ вамъ близко! Наслаждайтесь, и возвратитесь къ намъ скорѣе со всѣмъ изящнымъ, которое столь необходимо для чистыхъ радостей Москвы».

Въ это время московскій генералъ-губернаторъ, князь Д. В. Голицынъ, приблизилъ къ себѣ Погодина, который, пользуясь этимъ, пропагандировалъ проектъ княгини Волконской предъ этимъ просвѣщеннымъ и вліятельнымъ сановникомъ. «Къ главнокомандующему» — писалъ Погодинъ въ своемъ Дневникѣ. «Прочелъ проектъ княгни Волконской. Онъ взялся хлопотать. Но принялъ безъ особенной ласки. Спрашивалъ о службѣ, о Шевыревѣ, Мицкевичѣ». Увѣдомляя объ этомъ Шевырева, Погодинъ писалъ: «Вчера прочелъ я проектъ князю Дмитрію Владимировичу, и онъ взялся убѣждать нашего сильнаго попечителя, князя Сергія

Михайловича Голицына, и открыть со временемъ подписку для распространенія Музея, которому основаніе должно положить правительство. И такъ, по полученіи бумагъ отъ васъ, я немедленно дамъ знать ему, и начнется дѣйствіе. Между тѣмъ затрубимъ въ журналахъ и публикѣ. Я могу тогда получить и на дорогѣ инструкцію, чтобъ оборотиться въ Италіи въ помощники нашей благодѣтельной княгини».

Но все это дѣло осталось одною прекрасною мечтою, и благая мысль княгини Волконской и Шевырева не осуществилась. Погодинъ въ досадѣ на эту неудачу излилъ Шевыреву свое негодованіе въ слѣдующихъ, нѣсколько эксцентричныхъ выраженіяхъ:

«Университету», писалъ онъ — «никакихъ предложеній ученыхъ дѣлать нельзя, ибо теперь это — скопище невѣждъ, плутовъ и эгоистовъ. О Музеѣ я удержалъ у себя всѣ бумаги, ибо и правительству теперь не до дѣлъ такого рода».

—

Пятьдесятъ восемь лѣтъ спустя послѣ неудачи, постигшей проектъ княгини Волконской и Шевырева, князь Павелъ Петровичъ Вяземскій, обладая глубокими познаніями и творческими силами духа, на глазахъ нашихъ умѣлъ создать сей Музей, такъ скромно именуемый Складомъ Императорскаго Общества любителей древней письменности; но этотъ Складъ есть вмѣстилище памятниковъ духовной жизни русскаго народа, и это нисколько не стоитъ въ противорѣчіи съ животворною мыслію княгини Волконской и Шевырева. Россія вслѣдствіе своего центральнаго положенія между Востокомъ и Западомъ, Азіей и Европой, по глубокому убѣжденію князя Вяземскаго — обладаетъ ключемъ къ разъясненію многихъ таинственныхъ вопросовъ въ исторіи вселенной, а потому изученіе памятниковъ ея древностей имѣетъ вселенское значеніе.

Да сохранится же сей Музей на поученіе предъидущимъ родомъ, и да будетъ онъ вѣчною памятью о его незабвенномъ основателѣ.

Въ заключеніе, предсѣдатель роздалъ присутствовавшимъ свои «Воспоминанія» о князѣ П. П. Вяземскомъ (изданныя на правахъ рукописи) и заявилъ о новой утратѣ, понесенной Обществомъ въ лицѣ одного изъ первыхъ его членовъ-учредителей — графѣ А. В. Бобринскомъ, скончавшемся 24 ноября сего года.

DK 219 .6 V5 02

Obshchestvo liubitelei drevnei pis'mennosti i iskusstva, Leningrad

Pamiati kniazia Pavla Petrovicha Viazemskago

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 09 15 20 03 017 6